

Елена Чудинова

НЕФЕРТ

Елена Чудинова

Неферт

«Издательские решения»

Чудинова Е.

Неферт / Е. Чудинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931545-8

«Велика добродетель богов Тьмы. Почитаю, но сторонюсь», воскликнул некогда благоразумный обитатель Древности. «Неферт» несомненно написана человеком не посторонившимся. «И какая бешеная сила — в такой небольшой повести! Страшно сконцентрированная и бьет здорово — пожалуй, даже не чтобы разбудить, а — пробить скорлупу». Это слова читателя. Мистика, магия, культ полнолуной богини Бастет... Все это сводится к одному короткому, но все исчерпывающему слову: Египет.

ISBN 978-5-44-931545-8

© Чудинова Е.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	14
IV	16
V	18
VI	20
VII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Неферт

Елена Чудинова

Н.Р.А.

и всему кошачьему племени.

© Елена Чудинова, 2018

ISBN 978-5-4493-1545-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В этот день Неферт была глубоко несчастна с самого утра.

Всю ночь ей снилась любимая кошка Миура – с черно-рыжей короткой шерстью, длинной шеей и маленькой головой. Увидеть во сне священное животное, несомненно, было хорошей приметой, но, к сожалению, сон улетучился из памяти, едва Неферт проснулась. Кажется, в нем было что-то страшное. Некоторое время Неферт пыталась вспомнить хоть что-нибудь, лежа с закрытыми глазами. Но только когда луч солнца вынудил ее прикрыть веки ладонью, она поняла, что проспала сверкающий час.

Так и есть! Солнечный свет, проникая в ее беленую детскую спальню через решетчатое окно под самым потолком, походил на сноп золотой соломы. Попадая в его лучи, узор из голубых лотосов, нарисованный на покрывающих пол циновках, становился из блеклого ярким.

Неферт огорчилась: она так любила заставить сад еще окутанным в нежный покров тумана, таинственным и тихим, любила срезать для своих комнат цветы, когда в капельках росы сверкает первое отражение сияющего лика Ра.

Неферт любила не спеша обойти сад – касаясь рукою толстых стволов старых пальм, останавливаясь над черной в полумраке, зыбкой водой пруда...

И все потеряно из-за этой злой кошки, как ни в чем ни бывало свернувшейся на сандаловом ларце!

В саду уже, конечно, работают садовники!

Увы, огорчения только начинались.

Выйдя, Неферт ахнула от изумления: чей-то безжалостный нож прошелся по грядкам синих и голубых ирисов – из оставшихся цветов нечего было и выбрать для букета!

Были срезаны и желтые нарциссы, как, впрочем, и белые, но белых нарциссов Неферт не любила.

Кто разрешил так разорять сад?

С разгоревшимися от гнева щеками Неферт вбежала в свои покои.

– Нянька! Нянька! Ну няня же! – громко позвала она.

Из ближних комнат слышались привычные голоса: старая Хапшесут отдавала распоряжения двум служанкам-сирийкам, готовившим омовение и туалет.

– Ты поздно встала, мой цветочек, я уж хотела тебя будить, а то ты не успела бы поприветствовать отца.

– Кто срезал в саду столько цветов? – нетерпеливо спросила Неферт, усаживаясь в красном деревянном креслице и подставляя волосы рукам сирийки.

– Управитель дома распорядился, голубка, – отвечала старуха, смешивая притирания. – Только наших цветов не хватит – придется посылать к садовнику Уахебу.

– Зачем?! – Неферт сердито топнула ногой, поставленной на скамеечку для того, чтобы вторая служанка переплела ремешки сандалии.

– То есть как зачем, голубка? Разве ты не знаешь, что твой отец велел готовить сегодня пир? Ох и хватит с утра работы всем в доме...

– Пир? – изумилась Неферт. – Но ведь сейчас нет никакого праздника!

– Да ты и впрямь не слыхала новости, деточка! – всплеснула руками Хапшесут. – Гонец-то прибежал, когда ты уже спала! Великая радость пришла в дом твоих родителей! Скоро его порог переступит твой брат Нахт, который воюет в песках! Сколько лет молодой герой не был в Фивах! За львиную отвагу фараон пожаловал его правом первого выбора в военной добыче и званием сотника! Мои старые глаза станут лучше видеть от счастья! А ведь не прошло и десяти лет, как я собирала ему завтраки в школу! А уж каким он был мальчиком! Не капризничал даже совсем крошкой! А как хвалили его школьные учителя! Да поторапли-

вайтесь вы, ленивицы, – ребенок так никогда не будет одет! Побольше краски, Ашта! Больше краски, больше краски, чтоб жара не съела глазки...

Но Неферт не слушала уже привычных приговорок няни. Ее брат Нахт вернулся из песков! Нельзя сказать, чтобы эта новость вызвала у девочки особый восторг. Нахта, почти все время проводящего в военных походах, Неферт почти не помнила, но зато с упоминаниями о его героической особе сталкивалась слишком часто – они неуклонно завершали любое обращение к ней нравоучение. Все представления о брате сводились у Неферт к тому, что он: во-первых, все время совершает героические подвиги во славу Египта, во-вторых, не имеет решительно ни одного недостатка, а в-третьих, любая шалость или плохо выученный Неферт урок способны ввергнуть его в глубокую печаль.

Нет, Неферт не была очень обрадована. Какое ей дело до этого знаменитого брата? Зато вчера отец пообещал ей прочитать папирус о том, как двигаются по небу звезды. Неферт всегда думала, что звезды днем вообще исчезают – ведь исчезает же огонь, когда в плошке кончается масло? Но оказалось, что звезды существуют и днем – это даже можно увидеть, если залезть в очень глубокий колодец.

Ради всего этого стоило поспешить – и Неферт, торопливо позавтракав пшеничной лепешкой и финиками на небольшой веранде (глиняные ступени этой веранды спускались в рощицу сикомор), направилась прямо к отцу.

Начальник каменоломен фараона Имхотеп, отец Неферт, уже занимался делами в посвященном предкам крыле парадного зала. Неферт обратила внимание на то, что в знакомый аромат дымящихся в бронзовой курильнице благовоний вплетались какие-то новые запахи.

– Ну, здравствуй, цветочек, – отец привычным жестом заложил нужное место в папирусе зеленым бруском полированного камня. – Хорошо ли ты спала, и знаешь ли, какая сегодня радость в нашем доме?

– Знаю, отец, – ответила Неферт, пытаясь угадать, какой из лежавших на столе свитков был папирусом о звездах. – Сегодня приедет мой брат Нахт, боевые заслуги которого отмечены милостью фараона – да будет он жив, здоров и невредим!

– Воистину так. Твоя мать отправилась с утра в храм Нейт – вознести благодарность богине.

Это была неожиданность. Неферт обыкновенно завтракала второй раз в обществе госпожи Мерит – уже не лепешкой, а медовыми сладостями и черным виноградом: по дворцовой моде мать Неферт вставала поздно. (Привычка эта приводила в невероятный гнев женщин «старых правил» – к каким относилась бабушка, никогда не упускавшая случая упомянуть, что встает раньше слуг и сама носит на поясе все ключи по хозяйству.) За завтраком мать и Неферт обычно говорили о новых песенках или изящных стихах, обсуждая украшения, которые надлежало заказать для Неферт к ближайшим праздникам. Этого удовольствия Неферт сегодня лишалась! Не говоря уже о том, что матери даже не пришло в голову, что Неферт было бы приятно прокатиться по утренней прохладе в ее просторных красивых носилках! Впрочем, читать папирус интереснее.

– А мы почитаем сейчас книгу, отец?

– Погоди... Ах да, о звездах! Не сегодня, дочка... Сейчас придет управитель: я очень занят из-за праздника. Не огорчайся – в другой раз непременно. Ступай, займись своими делами. Входи, Шедсу! Доставлены ли бараны?

Неферт вышла, не ответив на поклон управителя. Отец забыл о том, что она целые сутки дожидалась обещанной книги, и не нашел для нее даже получаса времени!

Во дворе под навесом молодые рабыни плели длинные гирлянды из цветов и зелени и пели песню «Празднуй радостный день». Радостный, как же!

Кошка Миура вышла из дому и, подумав с минутку, направилась в сад. Неферт последовала за ней.

Что же – до полуденной жары можно было поболтать с кошкой, выбравшей для своего отдыха перильца бело-голубой беседки над прудом.

– Какой сегодня противный день, Миура! – сказала Неферт. Кошка коротко зевнула: кажется, она была согласна.

– Давай поговорим о звездах хотя бы с тобой, – Неферт проглотила слезы. – Ведь ты, наверное, думаешь, что звезды – это огоньки, которые горят только ночью, как фитиль в плошке, а к утру гаснут? Ничего подобного! Звезды существуют даже днем!

Вид кошки выразил живейшее удивление.

– Ты не веришь? Я могу это тебе доказать. В глубоком колодце их видно. Мы можем залезть с тобой в тот колодец, что в нижнем конце сада, и тогда...

– Не надоедай священному животному, которое, быть может, погружено в благочестивое созерцание!

Неферт обернулась. Старший писец налогового управления, невысокий и плотный Суб-Ареф, уже, несомненно, приглашенный, прогуливался по саду без парика – на правах друга дома.

– Я не надоедаю ей, а только предлагаю залезть в колодец и посмотреть на звезды, – ответила Неферт, прекрасно понимая, что нет ничего более глупого, чем возражать Суб-Арефу, так как никто из взрослых не обладал способностью читать такие нудные нотации – при этом такие длинные. (К слову сказать, Неферт никогда не могла понять, откуда у Суб-Арефа берется столько времени на эти нотации: ведь *старший* писец, вне всякого сомнения, должен писать вдвое больше всяких бумаг, чем *простые* писцы, а то и втрое – иначе с чего бы взрослые говорили, что от него «очень многое зависит»?) Но Неферт не могла сдержаться, потому что была очень зла.

– Ребенок Неферт! – Суб-Ареф поднял кверху короткий указательный палец. – Во-первых, звезды – это астрономические тела, наблюдения за движением которых дают нам возможность в наши просвещенные времена правления божественного фараона Джафененры – да будет он жив, здоров и невредим! – определять точные сроки сельскохозяйственных работ, чем занимаются компетентные жрецы в специально отведенных для этого храмовых помещениях. Во-вторых, благовоспитанной девице из хорошего дома прилично кормить в саду рыбок или срезать цветы для букетов, но отнюдь не лазить по колодцам, что, кстати, способствует засорению водоемов, не говоря уже об опасности упасть в воду и утонуть. В-третьих, подумай о том, как опечален был бы твой прославленный брат, похвалу которого ты, несомненно, хочешь заслужить, узнав о твоём поведении.

Это было слишком! С минуту Неферт стояла, дрожа от злости, глядя вслед важно удаляющемуся под пальмовую тень Суб-Арефу, затем, схватив на руки кошку, бегом пустилась в дом. Только оказавшись в своей спальне, она дала волю чувствам: выпустила кошку на пол, упала на свое ложе и горько разревелась, изо всех сил колотя кулаками и сандалиями по покрывающей его шкуре антилопы.

Сколько несчастий в одно утро!.. И *все* несчастья имели одну и ту же причину!

Почему ее комнаты оказались сегодня не украшены цветами? Потому, что все цветы потребовались для пира в честь ее брата! Почему она не позавтракала с матерью? Потому, что та уехала из-за брата в храм богини. Почему отец не нашел времени читать с ней папирус? Потому, что приехал брат.

Всюду этот противный брат! Сидел бы он в своих песках!

– Они все помешались на этом брате, Миура! – рыдая обратилась она к кошке. – Они только о нем и говорят! Даже нянька! Мать и не подумала взять меня в носилки! Отец перестал со мной заниматься – стоило этому брату только появиться! Теперь я поняла, что в этом доме меня совсем не любят! Миура, милая Миура, только ты меня любишь! Но ты-то, по крайней мере, меня любишь, правда?!

– Что за нелепая мысль, – негромко произнес кто-то низким и мягким голосом.
Неферт в испуге вскочила на ноги.

В комнате никого не было, кроме кошки, которая как ни в чем не бывало сидела на циновке.

Ой!

Неферт не поверила своим глазам: ее кошка Миура вдруг сделалась вдвое... нет! втрое больше обычного – почти с саму Неферт ростом!

– Миура, это... это ты со мной разговариваешь? – робко спросила Неферт.

– Мне кажется, *других* собеседников здесь нет, – ответила кошка. От этого красивого женского голоса Неферт стало не по себе. Впрочем, это был не совсем женский голос. Это был именно *голос кошки*: его плавные интонации скользили, как изгибы пушистого хвоста.

– Но раньше ты никогда не говорила!

– Я бы и теперь не стала с тобой разговаривать, но ты вывела меня из терпения своими глупыми словами.

– Я ведь только спросила, любишь ли ты меня. Разве это глупость?

– Еще какая!

– Но ведь я тебя люблю!

– И что с того?

– Я о тебе забочусь!

– Вот уж это не имеет никакого отношения к делу.

– Но все-таки я не понимаю, – насупилась Неферт, – почему мой вопрос *так* глуп?

– Поймешь со временем, – Миура потянулась. – Гор и Изида, сколько времени я на тебя потрачу, прежде чем ты хоть что-нибудь поймешь...

II

Час полуденного отдыха показался Неферт наиболее подходящим для того, чтобы осуществить ее планы относительно наблюдения за звездами. Сад будет безлюден. Суб-Ареф, если не уйдет, задремлет в какой-нибудь беседке, но ни в коем случае не отправится в малотенистый нижний конец, где находится старый колодец, облюбованный Неферт из-за неровных стен.

Наряду с удобной для лазанья кладкой этот колодец имел и существенный недостаток: он находился слишком близко к невысокой глинобитной стенке, служившей границей с соседним садом. А на этой стене мог в любой момент появиться мальчишка Инери – очень гадкий мальчишка с длинными кудрями и светло-серыми глазами, – только и знающий, что кривить свои пухлые губы в презрительных усмешках и очень метко кидаться камнями... Ох, как больно он запустил однажды камнем в Неферт, когда она вплетала в волосы лилово-желтый, только что сорванный ирис!

Нет, Неферт ни капельки не боялась Инери! Но все же она была рада, когда Миура, было собравшаяся дремать, передумала и вслед за ней выскользнула из дома. (Видимо, ленясь заниматься превращениями в такое все равно безлюдное время дня, кошка так и продолжала оставаться размером с небольшую пантеру...)

Однако опасения Неферт оказались напрасными: никакого Инери поблизости от колодца не оказалось и в помине.

Неферт наклонилась над каменным провалом. В колодце было темно, как ночью. Неферт подумалось, что Суб-Ареф отчасти прав: наблюдение за звездами – дело компетентных жрецов в специально отведенных для этого храмовых помещениях. Да и зачем ей нужны звезды днем, если их без всякого колодца можно увидеть вечером? Затем, что отец не читал ей папируса, а раз так – она может обойтись и без этого! Еще как может!

И решительно взглянув на невозмутимо расположившуюся в тени Миуру, Неферт подобрала подол и стянула его узлом около бедер. Снимать сандалии она не стала – их тонкая кожа почти не стесняла движения ноги.

Самым страшным оказалось только перебраться через край колодца и сделать первые несколько шагов вниз – цепляясь руками и ногами за выступы камней.

Темнота оказалась не такой уж черной, а холод был, несомненно, приятен после полуденной жары.

Вскоре стала видна вода. Пристроившись на широком уступе довольно высоко над ней, Неферт попыталась что-либо разглядеть. Увы, безуспешно! Никаких звезд не было в черном агатовом зеркале воды.

– Ничего не видно, Миура! – воскликнула Неферт, удивляясь тому, как раздвигает ее звонкий голос круглая стена колодца. – Совсем ничего, ни одной звездочки!

– А ты спустишься на два выступа ниже, – отозвался сверху незнакомый и молодой мужской голос. – Только осторожнее – один камень шатается.

Неферт в изумлении взглянула вверх, но ничего не увидела, кроме слепящего глаза кружочка полуденного неба.

– Давай-давай, не бойся, – весело подбодрил голос сверху.

– А я и не боюсь, – тут же нашлась Неферт, ставя ногу на нижний уступ: камень действительно пошатывался.

– Ну как, теперь видно?

– Видно!! – громко закричала Неферт. Ей очень хотелось захлопать в ладоши, но одной рукой она, к сожалению, держалась за камень стены. – Звезды в воде, совсем как ночью, только не в черноте, а в серебряном тумане! Так они еще красивее! Одна, вторая, третья... А кто ты такой?

– Угадай, – предложил голос.
– Как же я могу угадать? – недоверчиво спросила Неферт.
– Боюсь, что никак, пока сидишь в колодце. Может быть, ты вылезешь? Кстати, вылезать вдвое труднее, чем спуститься. Постой-ка! Тут есть пальмовое ведро с грузом и веревки. Я тебя вытащу! Раз, два...

Легкая бадья, ударившись о воду тяжелым окованным донцем, обдала Неферт брызгами.
– Садись на нее, пока она не начала погружаться!
– Только смотри не урони, – предупредила Неферт и, схватившись за веревку, прыгнула на бадью.

– Как-нибудь постараюсь, – со смехом ответил незнакомец.
И бадья поехала вверх с такой быстротой, что у Неферт закружилась голова.
– Так я и знал, что это маленькая змейка Неферт ползает тут по колодцам! – чьи-то руки подхватили зажмурившуюся на солнце Неферт, но вместо того, чтобы опустить на землю, подняли еще выше.

– Отпусти меня сейчас же! – воскликнула Неферт.
– И не подумаю, – ответил незнакомец, опуская Неферт на землю. – Змейка, а ты стала длиннее по меньшей мере в два раза!

Неферт поднесла ладошку к все еще незрячим глазам.

– Ну как, угадала?

– Подожди, я ничего не вижу! – Неферт взглянула на незнакомца из-под руки: *очень* снизу вверх, почти задирая голову. Гор и Изида! Стоявший перед нею молодой воин походил на бога Монту – уж никак не меньше! У него было гордое и красивое лицо, черты которого, как заметила потом Неферт, были слишком неподвижны даже когда он разговаривал – свойство, всегда выдающее несокрушимую волю. Разделенный натрое парик спускался на широкие прямые плечи, покрытые поверх золотого ворота леопардовой шкурой. Его льняное одеяние было ослепительно белым. Стройный стан схватывал золотой пояс, на котором висело несколько ножей. Обнаженные выше локтя могучие руки в три ряда украшали золотые браслеты. Впрочем, и одежды, и парик были покрыты пылью.

– А вот я-так угадал, что это ты, как только услышал голос из колодца, – сказал воин.

– Нахт!! – на этот раз ничто не помешало Неферт захлопать в ладоши. – Ты мой брат Нахт, который воюет в песках!

Кошка Миура, по-прежнему располагавшаяся в тени под маленькой сикоморой, зевнула и плавно потянулась. Неферт заметила, что кошка опять сделалась небольшой.

– Кем же мне еще быть, – улыбнулся воин, показывая в очень красивой улыбке великолепные белые зубы. – А что, разве в доме не предупреждены о том, что я приехал?

– Предупреждены. – Неферт помрачнела.

– Тогда ты не так сообразительна, как кажешься, – воин улыбнулся еще шире.

– Я представляла тебя совсем другим, – ответила Неферт, смущаясь еще больше.

– А каким? – спросил Нахт довольно настойчиво.

– Очень гадким, – честно ответила Неферт, глядя прямо в лицо брату.

– Ну спасибо! – судя по тому, как расхохотался Нахт, это обстоятельство привило его в немалый восторг. – А если раскрыть это понятие, как говаривал в старших классах учитель?

– Тот, который не мог тобой нахвалиться?

– Не думаю, что у старикана были такие намерения.

– Но ведь ты всегда учил уроки, слушался старших, не дерзил, не капризничал, не брал ничего без спросу? Я думала, что ты станешь цитировать «Поучения Ахтоя», которые я терпеть не могу!

– Да я сроду не мог выучить ни одной цитаты! – воскликнул Нахт с искренним отвращением.

– Разве ты не был примерным учеником?

– Разве что на выходки и в отлынивании от уроков.

– Так получается – все они лгали?! – гневно сверкнув глазами, спросила Неферт. – И отец, и мать, и нянька – когда рассказывали о том, каким ты был примерным мальчиком?! И что ты только поэтому сделался таким знаменитым героем?!

На мгновение в лице молодого воина проступило озадаченное выражение, но тут же он вновь рассмеялся – на этот раз – одними глазами.

– Они забыли, – ответил он. – Они просто забыли, как все было на самом деле.

– Разве так бывает? – спросила Неферт негромко.

– Очень часто. – Нахт стал неожиданно серьезным. – Наше прошлое меняется в зависимости от настоящего. Ты понимаешь, змейка?

– Не совсем.

– Я *сейчас* знаменитый герой и все такое прочее. Значит, – если вспоминать *через сейчас*, – *то тогда* я был примерным мальчиком. Воспоминания никогда не бывают неизменными. Ни на что не похоже, о чем это я с тобой разболтался, змейка! Поехали-ка домой!

Нахт провел ладонью по лбу, словно стирая какую-то мысль. Затем он вновь подхватил Неферт на руки и, посадив на плечо, направился в сторону дома быстрым и легким шагом, словно шел без всякой ноши. Впрочем, Неферт, крепко ухватившаяся рукой за брата, каким-то образом почувствовала, что ее вес на самом деле был для него отсутствием ноши. Чувствовать это было довольно приятно.

– А где твоя колесница, и свита, и военная добыча, и все остальное? – спросила она.

– Добираются своим ходом по дороге, – ответил молодой военачальник небрежно. – Я шел напрямик. Вдруг захотелось увидеть старый сад, где я играл мальчишкой. Ну и глупости мне лезут сегодня в голову! Смотри, как раскинул свои лапы этот старый платан! Сколько раз я на него залезал!

– Я тоже! А откуда ты знал, что камень в колодце шатается?

– А я тоже забирался в этот колодец смотреть на звезды!

Неферт держалась за могучую шею брата и хохотала вместе с ним: ей очень хотелось, чтобы сад был вдвое длиннее, чем он был на самом деле.

– А ты убил много хеттов, Нахт?

– Да, порядком, хотя много больше просто подавил колесницей. А вот и наш пруд! Золотые рыбки все такие же прожорливые?

– Еще бы!

– Кстати, должен заметить, что ты совершенно не умеешь себя вести. Ты мне задала кучу вопросов – а дети не должны спрашивать старших.

– Ты очень опечален моим поведением? – Неферт никогда в жизни не смеялась так много.

– Ужасно. И вообще, слезай – мы приехали.

– Не слезу – еще только роща сикомор!

– Ты довольно наглая змейка.

– Воистину ли мой взор имеет удовольствие наполниться лицезрением героического образа нашего военачальника, отнюдь не обойденного высшими милостями, вдобавок обрадованного встречей с маленькой сестрой, чьи одежды, впрочем, неподобающе случаю мокры и запачканы какою-то тиной?

Надо же было Суб-Арефу проснуться именно сейчас и именно сейчас выйти из беседки!

– Если меня не обманывает память, слегка притупившаяся от лицезрения варварских физиономий, я имею возможность воочию видеть моего достопочтенного корреспондента? – вежливо осведомился Нахт, опуская Неферт на землю. Ее негодование умерило только то, что при этом брат успел шепнуть ей на ухо: – Все равно нам сегодня не дадут поболтать, змейка, а завтра я покатаю тебя на колеснице!

– Молодой герой не ошибся, – степенно отвечал между тем Суб-Ареф. – Он действительно говорит со своим скромным представителем в деловом мире Фив.

– Чьи дostoмудрые советы и неоценимые услуги вызывают самую горячую благодарность.

– Право, не стоит говорить о благодарности! Кстати, недавно мне довелось услышать, что в царскую канцелярию поступило высочайшее распоряжение художественно изложить и переписать в десяти копиях на лучшем папирусе донесение о Вашем поединке с хеттским князем Ам-Су. Об этом событии много и восхищенно говорили в столице. Надеюсь услышать подробности!

– Право, тут не о чем говорить. Репутация этого парня была сильно раздута и здорово на него работала. Хотя надо отдать ему должное – он превосходно клал палицей вплотную. Но дело стоило того: как Вы помните, отряд побежденного был обязан сдаться без сопротивления. Кстати, как пошли...

Конца фразы удаляющаяся Неферт не услышала. Да и какое ей было дело до того, о чем беседовал с Суб-Арефом *ее* брат!

Ей удалось проскользнуть в свои покои прежде, чем дом начал оглашаться со всех концов радостными воплями.

III

Неферт медленно бросала в курильницу зернышки благовоний. За окном комнаты, отведенной для занятий и рукоделья, уже темнело. Это была премилая комнатка с красным полом и светло-синими шелковыми занавесями, обставленная маленькой детской мебелью красного дерева.

Неферт была одна – ей очень о многом хотелось подумать наедине...

Как быстро, словно сон, пролетели пять дней, прошедших с приезда брата, с того дня, когда вдруг заговорила кошка Миура!

Заговорила? А может быть, как раз это и было сном: жутковатый голос, странные речи и огромный рост кошки?

Ведь за минувшие дни Миура не только не ответила ни разу на многочисленные попытки Неферт завязать разговор, но и не подала виду, что понимает ее.

Особенно Неферт пыталась поговорить с кошкой после праздничного пира. Пир не доставил Неферт большого удовольствия. Она сидела очень далеко от интересующего ее места – вместе с троюродными сестрами Шеш и Неми, девочками старше Неферт на три года, болтовня которых особенно злила ее потому, что все время порхала вокруг ее собственных тайных мыслей. Празднество было устроено в саду, ярко освещенном множеством светильников. Как обычно, гости сидели за маленькими столиками, черное небо над которыми было переплетено лентами цветочных гирлянд. Как обычно, слуги обносили всех бараниной с острыми пряностями, окороками газелей со спаржей, жареными гусями. Как обычно, разливались вина...

Негромкая музыка и рой голосов не давали Неферт прислушаться к разговорам почетных гостей, среди которых сидел Нахт – то смеющийся, то пьющий вино, то с удовольствием хлопающий танцовщицам, исполнявшим самый красивый на свете танец «ветер».

Неферт ушла с праздника раньше срока, до которого ей было разрешено оставаться...

На все попытки завязать разговор Миура изобразила полное непонимание. Неферт заснула в слезах.

Но следующий день... О, что это был за день! Неферт вышла в сад, не проспав сверкающего часа. Миновав неубранную после вчерашнего пира площадку перед домом, она побежала к дальнему концу пруда.

Как странно! Сад и в эту рань не принадлежал ей безраздельно, как обычно!

Радостная боль в груди стеснила дыхание Неферт. Занятый чем-то невидимым ей, на скамейке под финиковой пальмой сидел Нахт.

Прячась за жасминовыми кустами, Неферт бесшумно приблизилась к брату сзади и, одновременно сцепив руки на его шее и упершись в спину сандалией, с торжествующим воплем прыгнула ему на плечи.

– **Так** верещат только лучники шасу, – Нахт невозмутимо перетащил Неферт через плечо и усадил на колено. На другом его колене лежали непонятные тонкие ремешки с бронзовыми колечками. – Кроме того, я тебя видел.

– Правда? – разочарованно протянула Неферт. – Я же очень незаметно подкрадывалась.

– Змейка, если бы я мог не заметить, как ты подкрадываешься, я бы сейчас здесь с тобой не разговаривал.

– А почему ты так рано встал?

– Армейская привычка.

– И даже после пира? – Неферт стрельнула глазами.

– Хорошенького ты мнения о своем брате, если думаешь, что у меня может трещать голова после такой благопристойной тягомотины, как вчерашнее. Впрочем, это не твоего ума дело, – слегка обнимая Неферт рукой, Нахт снова взялся за свои ремешки.

– А это что?

– Так, надо перебрать сбрую. Не могу понять, что и где мне не нравится.

– А почему не приказать это сделать рабу? – удивилась Неферт.

– Рабу? – в свою очередь удивился Нахт. – Да ты с ума сошла, змейка. Может, я и в набег раба пошлю?

Неферт негромко рассмеялась и сильнее прижалась к Нахту: как все-таки здорово было то, что этот знаменитый воин, героические деяния которого отражены на папирусе в назидание потомкам, является ее родным братом и она может так славно валять с ним дурака и болтать в утреннем саду...

– Нет, змейка, – продолжал Нахт. – В своей колеснице надо знать крепление каждой спицы, подкову каждого коня. Впрочем, кони – это особая статья. Но и в колеснице надо знать, и не глазами, а пальцами, каждый вбитый гвоздик. Пусть рабы катятся к Сетху! А сбруя... Сбруя, змейка, это паутина, связывающая своенравных коней, легкую колесницу и тренированного воина в единое и великолепное целое! Да, кстати, ты поедешь со мной кататься?

– Ты серьезно?

– Вполне. Мне будет приятно тебя прокатить.

– А разве мне разрешат?

– Не думаю. Так что лучше, наверное, не спрашивать.

– А как же я тогда выберусь из дома?

– Сейчас сообразим... Проще простого: скажи матери, что пойдешь купаться в Ниле.

– Но ведь мне придется взять двух служанок! – огорченно воскликнула Неферт. – А они все расскажут матери!

– Не беспокойся, не расскажут. – Нахт слегка усмехнулся, и Неферт поняла, что служанки на самом деле ничего не расскажут.

– А коней мне надо сегодня хорошенько проездить с утра до жары. Так что беги одеваться и собираться – и побыстрее! Я буду ждать тебя у нижних ворот сада...

IV

Нахт ввел запряженных коней в поводу. Какие это были кони! Светло-золотые, с томной синевой вокруг глубоких черных глаз, с вытянутыми маленькими головами, с тонкими бабками, с гривами и хвостами нежнее ливийских шелков.

Не вынеся переполнявшего ее восторга, Неферт, поднявшись на цыпочки, обхватила шею ближнего к ней пристяжного и прижалась лицом к его лоснящейся шкуре.

– Осторожней, змейка! Они злы, как демоны.

– Стану я обнимать *добрых* лошадей...

– Ладно, погоди! – перекинув обе пары вожжей через лошадиные головы, Нахт прыгнул в колесницу.

– Теперь залезай! Достоешь до ступеньки? Хватайся за руку!

Бело-золотая колесница Нахта оказалась изнутри обитой мягкой кожей красивой выделки. Гладкий пол был из досок звонкого и сухого темно-розового дерева: Неферт не помнила его названия. Плавный вырез бортов напоминал изгибы лебединых крыльев.

– Ну что, нравится? Страшно вспомнить, во что мне обошлась эта штукавина, но лучшей нет и у фараона, да будет он жив, здоров и невредим. Впрочем, на что бы фараону такая колесница?

– Как это – на что?

– В обозримом будущем Сын Солнца вполне обойдется деревянной лошадкой, – ответил Нахт, разбирая на пальцах вожжи, но, заметив изумленный ужас в глазах сестры, поясняюще добавил: – Он же совсем сопляк, то ли помладше, то ли постарше тебя. Ты разве не знала?

– Царь Царей – мальчик? – это было настолько странной новостью, что Неферт на миг забыла о предстоящей поездке. Страшно интересно, каким мальчиком может быть бог? Знает ли он все уроки и так – потому что бог, или занимается с учителем – потому что мальчик? Если да, то как может учитель бранить бога и читать ему нотации? Или бог может быть только очень примерным мальчиком? Но ведь это так скучно, а какой же нормальный бог захочет скучать?

– Не мешай. – Все эти вопросы пронеслись в голове Неферт в одно мгновение, за которое Нахт поднял голову и окинул внимательным взглядом пустынную улицу. – Слушай, змейка, у тебя цепкие пальчики?

– Я всегда щиплюсь до синяков, даже если чуть-чуть.

– Ладно. Видишь эти штуки? Сейчас цепляйся за них изо всей силы, потому что я хочу взять в карьер с четвертной свечки. Да, вот так. Не боишься?

– Ни чуточки!

– Тогда держись! Хай-е-е!

Неферт зажмурилась, вцепилась пальцами в обитые мягкой кожей ручки. Пол под ногами подпрыгнул. В следующий миг ее распахнувшегося взгляду предстали четыре устремившихся к небу столпа золотого пламени – вздыбившиеся, с запрокинутыми вверх мордами, с передними ногами, прижатыми к груди – кони Нахта. Казалось, кони хотели улететь в небо.

– Хай-е-е!

Четыре пары передних ног одновременно вылетели вперед, шелковой волной заструились гривы – и все превратилось в ветер...

Ветер свистел в ушах, ветер подхватывал и отбрасывал назад все косички Неферт... Как быстро проносились мимо скучные глиняные стены нижней улицы, в сплошную полосу сливалась вздымающаяся над ними зелень садовых пальм... Вот уже – неуклонно увеличиваясь – приближались навстречу исполинские храмы центральных улиц...

Какими же сильными должны быть руки, повелевающие этим полетом! Неферт взглянула на Нахта, гордая поза которого была невозмутимо неподвижна, словно он стоял на ровной земле. Двигались только его пальцы... Ох! Он и не думал *держат* вожжи своими могучими руками! Ладони его были полураскрыты, а тонкие ремни свободно скользили между пальцами – казалось, ничто не мешает им в любую минуту выскользнуть из рук! И тогда... Неферт стало страшно.

Неужели на самом деле все это могучее движение направляется только ленивым перебором пальцев, едва-едва касающихся ремней?! Почему он их *не держит*? Ведь лошади вырвутся!

Но лошади почему-то не вырывались...

Колесница поехала медленнее.

– Тьфу ты, здесь придется ползти как черепаха – того и гляди собьешь носилки с каким-нибудь идиотом, – сквозь зубы процедил Нахт.

Они ехали по мощеной площади в центре города.

– Слушай, Нахт, – неуверенно спросила Неферт, косясь на руки брата. – А почему ты так держишь вожжи?

– Как это – так? – не поняв, переспросил он.

– Ну – так... Лошади не вырвутся? Разве их не надо сильно-сильно держать?

Нахт расхохотался.

– А еще говорила «не боюсь»... Знала бы ты, змейка, сколько новобранцев я как раз по рукам и отходил плеткой из гиппопотамовой кожи за то, что они пробовали это делать, не «сильно-сильно», а хотя бы чуть-чуть!

– А почему?

– Почему? Запомни, змейка, хотя я, право слово, понятия не имею, какой прок в таких знаниях девочке... – они ехали по главным кварталам Фив – быстро, но все-таки не очень. – Верхом ли, на колеснице ли – хорошим наездником будет только тот, кто ничем не цепляется за лошадь. Трус думает, что удержится в седле, если схватится покрепче... Мальчишке, который садится на лошадь, это можно простить один раз. Если это повторится – он может стать чиновником или кем угодно, но не тем, кто подчинен суду чести.

– Нахт, что такое «суд чести»?

– Ну, змейка, это я тебе расскажу как-нибудь в другой раз...

– А что же тогда не дает упасть хорошему наезднику?

– Равновесие и *только* равновесие, змейка. Его надо чувствовать, как чувствуешь холод и жару.

– Но ведь у наездника должны быть сильные ноги?

– Не то слово...

– И руки!

– *Все* должно быть сильным, змейка, вдобавок *очень* сильным. Но только, – лицо Нахта неуловимо изменилось, – *сила не должна быть глупой и грубой*. А вот струсила ты зря.

– Я не трусила!

– Рассказывай. Ладно, держись – здесь уже можно набрать скорость. Хай-е-е!

И колесница снова оторвалась от земли. Больше Неферт действительно ничего не боялась – хотя лошади мчались еще быстрее – так быстро, что уже ничего нельзя было различить по сторонам.

– Ну что, понравилось? – колесница опять стояла у нижних ворот.

– Да, очень-очень-очень! – взволнованно ответила Неферт. – Ведь самое лучшее на свете – это все, что опасно, правда, Нахт?

– Опасно? – Нахт с недоумением взглянул на Неферт. – Выкинь это из головы. Со мной в колеснице ты в такой же безопасности, как дома среди своих игрушек.

V

Неферт бросила в курильницу еще одно зернышко.

Какими странными были эти дни! Самым странным в них было то, что отец и мать, и подруги, и все люди, прежде дорогие Неферт, словно куда-то исчезли. На самом деле они никуда не исчезали: Неферт, как обычно, встречалась с ними каждый день, разговаривала и занималась повседневными делами – и все-таки их не было. А Нахт был – причем даже тогда, когда не был... Неферт словно переселилась в тот мир, который ворвался в дом с появлением Нахта: ворвался, как ветер Сетха, как дыхание войны... Это был очень страшный мир – и все же Неферт не хотела никакого другого.

«Нахт, а откуда у тебя эти шрамы на сгибе локтей?» – спросила она в одну из утренних встреч в саду (встречи эти, так же как и поездки на колеснице, сделались их тайным обыкновением).

«А, это... – с ленивым пренебрежением спросил Нахт, даже не бросив взгляда на отметины, белыми полосками выделяющиеся на его загорелых руках. – Да так, памятка об одной истории».

«Расскажи, ну расскажи, пожалуйста!»

«Было б о чем рассказывать, змейка... Был один князек шасу по имени Муталу, с которым у меня водились кое-какие счеты...»

«И что?!»

«Да ничего... Я попался, как дурак. Мы месяц сидели в лагере без дела, а тут я сторговал у кочевых арабов необъезженного жеребца-двухлетку. Ну и начал его объезжать от нечего делать. Вот и напоролся с утра на их шайку – довольно далеко от лагеря. Жеребенка подо мной тут же сняли из лука – пропала вся работа. А со мной так спешить им было не с руки...»

«И что?!»

«Да ничего. Я ж даже оружия с собой не взял, отбивался, конечно, как мог, поясным ножом – но их ведь человек двадцать... Скрутили, как миленького. Пальмовыми веревками. Особенно Муталу суетился на радостях».

«А ты?!»

«Что я? Только и мог, что мышцы напрячь, пока связывали. Ну чтоб потом ослабить. А эта компания давай спорить, что б со мной такое лучше сделать. Кто прикопать живьем предлагает, кто что... Наконец нашлись – отворили жилы и оставили загорать. Напоследок, понятно, обменялись мы любезностями не для твоих ушей».

«Нахт, как же ты остался жив?!»

«А очень хотелось, змейка. Конечно, положение было не блеск. Кровь в песок хлещет, солнце жарить начинает... Ну ничего. Подождал немного, чтобы веревки на руках от крови набухли – они мокрыми не такие крепкие... А потом дотянулся кое-как и перегрыз их зубами. А дальше уже проще пошло. До лагеря вот трудно было добраться – слабый был, как котенок. Очень много крови вышло, да еще жара...»

«Какая сволочь этот Муталу!»

«Во-первых, не ругайся, это не женственно, во-вторых, никакой уж особой сволочью он не был, а его претензии ко мне были в известном смысле обоснованы».

«А дальше, что было дальше...»

«Дальше? Приезжают они вечером с повозкой за своими покойниками – на коня-то покойника, понятно, не навьючишь...»

«Каким покойниками?»

«Как какими? Ясно, теми, что я ножом уложил... А тут сюрприз. Муталу, кретин, сперва решил, что меня духи уволокли, а веревочки оставили. Потом очухался – стал у шатра на ночь особо стражу выставлять».

«А ты?»

«Что я? Десять дней валялся в палатке и ел финики – лучше всего от потери крови. А через несколько дней нашего махора скорпион клюнул. И приходит приказ – пересчитать посты. Я и вызвался вместо него ползти – чтобы заодно и свои дела сделать. Сперва пересчитал, а потом и в центр лагеря пробрался. У входа в шатер впрямь двое стражей носами клюют. Умно придумал, нечего сказать! Я с другой стороны зашел да тонким ножичком еще вход прорезал. Специальный – для своего визита. Когда он проснулся, я уж ему кляп в глотку заколотил. Ему, конечно, не надо было особо объяснять, зачем это я на огонек заглянул».

«А зачем?»

«Да в общем, не за тем, чтобы ему медовую коврижку подарить. Ты очень странная маленькая змейка. У тебя ноздри дрожат и щеки разгорелись – взрослых девушек так волнуют любовные речи, как тебя такие рассказы. Кстати, не могу понять, как ты умудряешься из меня их вытягивать. Терпеть не могу болтать на эти темы, а уж с ребенком твоего возраста...»

Возраст... Неферт взяла зеркало и, пододвинув поближе алебастровый светильник, погрузилась в темную бронзовую глубину. Это зеркало было отполировано очень хорошо, но все же недостаточно хорошо для того, чтобы в нем можно было разглядеть будущее. Приходилось довольствоваться настоящим. Настоящее открывало ей внимательное лицо девочки с мягкими и черными, вытянутыми к вискам, но в то же время не узкими глазами египтянки. Тяжелая масса черных косичек спадала на ее плечи. Да, по длине это были именно косички, а не косы. Одна из них – совсем короткая и заплетенная вперед – сейчас обратила на себя особое внимание Неферт, ведь если бы ее не было... Но она есть. Правильный и нежный овал лица, но вот губы... Эти полураскрытые губы хранят забавное выражение, какого никогда не бывает у взрослых девушек. По-детски забавна и неопределившаяся линия носа.

Ей девять лет. До достижения брачного возраста остается, самое маленькое, три года. Три года! Треть от той жизни, которую она уже прожила!

Косичка наводила на более утешительные мысли. Когда-то такие косички носили только дочери фараонов. Теперь их носит всякая знатная девушка.

Неферт, к удивлению отца проявляющая уже два дня самое прилежное внимание к изучению истории собственного дома, знала, что ее род, не состоя ни в каком родстве с царствующей ныне династией, является боковым ответвлением предыдущей, следовательно, в ее жилах течет некоторое количество божественной крови.

А из этого неуклонно вытекало то, что она вполне может стать женой Нахта!

И уж в чем у нее нет никаких оснований сомневаться, так это в том, что ее брат должен не меньше, чем она сама, радоваться такой возможности!

Откуда она знает, что Нахту никогда и ни с кем не бывало так весело и хорошо, как с ней? Откуда она знает, что все остальные если и не совсем исчезли для него, то все же существуют по сравнению с ней только так, постольку-поскольку? Что по-настоящему и для него сейчас существует только она?

Непонятно откуда, но она знает это наверное.

Пройдет три года, и она выйдет замуж за Нахта.

Неферт выронила зеркало, услышав чей-то негромкий и не очень добрый смех.

Черно-рыжая кошка Миура снова стала огромной. На этот раз на полголовы выше Неферт.

VI

– Миура, – сказала Неферт, удивляясь про себя тому, что второе появление кошки значительно больше изумило и напугало ее, чем первое. – А я уже подумала, что ты больше никогда со мной не заговоришь.

– Верней сказать, ты подумала, что я вообще никогда с тобой не разговаривала, – насмешливо ответила кошка.

– Да, это правда, – ответила Неферт, опуская голову: ей отчего-то сделалось стыдно.

– Оставим это. Скажи-ка мне лучше вот что: ты ведь не хотела бы причинить своему брату очень большой вред?

– Ни в коем случае не хочу! Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому, что ты легко можешь это сделать.

– Я – могу причинить вред Нахту?!

– Именно так и обстоит дело.

– Но – **чем?**

– Если проболтаешься обо мне – хотя бы самую малость.

– Миура! Уверяю тебя, что если я расскажу о тебе Нахту, то он мне просто-напросто не поверит! Он не поверит ни одному моему слову! Он решит, что я придумываю сказки!

Кошка вновь рассмеялась.

– Миура, почему ты опять смеешься? – воскликнула Неферт с некоторой тревогой. – Скажи, ведь ты умеешь узнавать мои мысли?

– В известной мере – да.

– Ты засмеялась, – тревога Неферт становилась все сильнее, – когда я думала о том, что могу выйти замуж за Нахта! Неужели ты смеялась потому, что он меня не любит?!

– Любит, вне всякого сомнения, хотя это и повергло меня в глубокое изумление. Он очевидно потерял голову. Он тебя любит.

– О, Миура, я знаю, что он любит меня так, как никого и никогда не любил!

– Здесь ты ошибаешься. В том-то и дело, что твоему брату посчастливилось второй раз переживать любовь, которая очень мало кому выпадает единожды.

– Он любил кого-то так, как меня?!

– И так и не так, но на самом деле все же так.

– Я в это не верю!! Я никогда в это не поверю, Миура! – Неферт разрыдалась.

– Если ты не веришь, то отчего это тебя так печалит?

– А кого он любил, Миура?

– Со временем узнаешь.

– А почему не сейчас?

– Сейчас не время.

– А когда же будет это время?

– Полагаю, что скоро. Теперь мы с тобой будем разговаривать чаще. А на сегодня – довольно.

VII

– Нет, Амени, даже не уговаривай! Видно, я всем этим так объелся в свое время, что сейчас кусок нейдет в горло, – голос Нахта далеко разносился в вечерней тьме. Он шел навстречу Неферт вместе с каким-то незнакомым молодым человеком, одетым в красивый сирийский плащ. самого молодого человека тоже можно было бы назвать красивым – если бы он не шел рядом с Нахтом.

– Сам чати Сенеб бегаёт за ней, как очумелый мальчишка! А она просто с ума сошла, как узнала, что ты приехал. Клянусь тебе, Нахт, я в жизни не слышал более страстной мольбы из более красивых уст – да только умоляли меня, к сожалению, о том, чтобы я непременно привел другого. Будет старая школьная компания, все свои...

– А, не хочу... Езжай без меня, – поравнявшись с Неферт, Нахт улыбнулся ей одними глазами, показывая этим, что должен проводить гостя. – А что касается Яхи, то пусть прохладится горным снежком, так ей можешь и передать. Я не люблю, чтобы женщины о себе напоминали.

– Положим, это я знаю. Но клянусь Бесом, **такими** женщинами, как танцовщица Яхи, все же не бросаются. Или ты нашел что-нибудь поинтереснее?

– А уж **это** не твоего ума дело, – в удаляющемся голосе Нахта неуловимо проскользнула такая нотка, что Неферт не позавидовала его собеседнику.

Вскоре со стороны верхних ворот послышался грохот отъезжающей колесницы.

Танцовщица Яхи... Неферт доводилось слышать это имя от взрослых, посещавших пиры в Великом Доме: это было имя исполнительницы главной роли в танце «ветер». «Врывающаяся, как огненное дыхание Сетха», «жгучая», «легкая, как языки пламени»... И сейчас эта женщина хочет танцевать не для иностранных послов, а для Нахта... Для Нахта!

– Эй, змейка, ты где?

– Нигде, – ответила Неферт, глубже отступая в темноту.

– Выползай и не шипи.

– А почему тебя так зовут на этот пир?

– Мало ли куда меня зовут. Так ты остаешься в этих кустах? Тогда я пошел.

– погоди! – Неферт выбежала навстречу брату. Сердце ее, как всегда, радостно екнуло, когда знакомые сильные руки на мгновение подняли ее в воздух. В конце концов, он ведь не поехал к этой Яхи! И вообще ему нет никакого дела до нее вместе с ее танцами!

– А кто этот гость, который приезжал тебя звать? – спросила она еще чуть-чуть сердито.

– Амени? Разве ты его не знаешь? Он же приятель нашего соседа, казначея Сети, стало быть – двоюродный брат твоего приятеля Инери.

– Моего приятеля?! – Неферт в гневе топнула ногой. – Никакой он мне не приятель!

– Неужто? Вы довольно забавно играли вместе, когда вам было года по три. Раздружились?

– Очень мне нужно с ним дружить! Я его просто ненавижу, я его так ненавижу, что готова выцарапать ему глаза! И он меня – тоже! Он говорит мне всякие гадости и швыряется в меня камнями! Очень больно!

– Так я ему уши надеру. Завтра же, – жестко сказал Нахт.

Неферт на мгновение увидела перед собой смуглое лицо Инери – и невольно удивилась впервые подмеченной ей странности, которая была в этом лице. Его светло-серые глаза казались такими холодными, словно их подернула изнутри изморозь, а слишком пухлые для мальчика, капризно вырезанные губы словно источали темно-багряный жар. Холод и жар – черты лица Инери соединяли их в единое целое.

– Нет, Нахт, – сказала Неферт с удивившей ее самой уверенностью. – Инери невозможно надрать уши.

– Так уж и невозможно?

– Понимаешь... – Неферт задумчиво прочертила на песке дорожки полоску носком сандалии. – Ты такой могучий, а он всего лишь мальчишка. Но если ты схватишь его за ухо, он, несмотря на это, на тебя бросится. Из всех сил. И тогда уж тебе придется очень сильно его ударить.

– Ну, это необязательно, – Нахт улыбнулся. – Но если так, ты права. Кстати, из него может выйти толк. Но тогда ты от него держись подальше, ладно?

– Уж в этом не сомневайся! А выйдет из него толк или нет – мне нет никакого дела. А этот Амени – твой друг?

– Да нет, школьный приятель.

– Твои друзья – в песках?

– Странная ты змейка, спрашиваешь вещи, над которыми я сроду не задумывался...

У меня нет друзей.

– Нет друзей? Почему?

– Не знаю, змейка. Как-то они никогда, вероятно, мне не были нужны. Да, не были: если мне что-то бывает нужно, то я хочу это получить и получаю. У меня нет только того, в чем я не нуждаюсь.

– Нахт, но ведь тебя **все** любят.

– Да, все – кто не ненавидит.

– Но я же не про врагов! Тебя любят везде, где ты появляешься... Стоит тебе только появиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.